

К 200-ЛЕТИЮ НАХОДКИ ПЕРВОГО СТАРОРЯЗАНСКОГО КЛАДА

СТАРАЯ РЯЗАНЬ: К ИЗУЧЕНИЮ ЮВЕЛИРНОГО РЕМЕСЛА

© 2022 г. А. В. Чернецов*

Институт археологии РАН, Москва, Россия

**E-mail: avchernets@yandex.ru*

Поступила в редакцию 01.11.2021 г.

После доработки 01.11.2021 г.

Принята к публикации 16.11.2021 г.

Статья посвящена изучению ювелирного ремесла Старой Рязани. Она подготовлена к 200-летию юбилею находки здесь первого клада (1822 г.), положившей начало исследованию древнерусских городов, важнейшего направления науки о русских древностях. Рассмотрены признаки индивидуального почерка мастера (трактовка образов зверей, птиц, антропоморфных фигур и элементов орнамента; особенности техники), обслуживавшего представителей княжеского рода. Исполненные им украшения найдены в четырех кладах (1950, 1966, 1970 и 2005 гг.). Клад 2013 г., кроме украшений включал в себя ювелирные сырье и инструменты (бронзовые матрицы). Количество матриц указывает, что они предназначались для нескольких мастерских. Ряд данных свидетельствует, что поблизости от места находки была расположена крупная великокняжеская ювелирная мастерская.

Ключевые слова: Старая Рязань, индивидуальный почерк ювелира, крупная великокняжеская мастерская, семантика изображений.

DOI: 10.31857/S0869606322020076

Эта статья подготовлена к 200-летию юбилею находки первого старорязанского клада 6 июня 1822 г., с которой начались археологические исследования древнерусских городов, ставшие важнейшим направлением науки о древностях русского Средневековья. Первая книга, посвященная изучению древностей Старой Рязани, вышла уже в следующем году (Калайдович, 1823). Достойно внимания, что в названии книги присутствуют слова “археологические исследования”, причем автор, в отличие от других ученых писателей той эпохи, использует слово “археология” в смысле, более близком к его современному пониманию. В честь приближающегося юбилея уже опубликовано три статьи (Чернецов, Стрикалов, 2020, 2021; Стерлигова, 2021).

Предлагаемая вниманию читателей статья написана под впечатлением напечатанной в этом же выпуске журнала публикации С.А. Авдусиной, сопровождаемой качественными фотографиями рассматриваемых украшений. Речь идет о художественных особенностях серебряного медальона с изображением Богородицы Знамение, найденного в 1950 г. экспедицией А.Л. Монгайта, в составе клада, частично разрушенного пахотой (отдельные украшения из этого клада были найдены в 1937 г.) — (Авдусина, 2022. Рис. 2).

Городище Старая Рязань представляет собой своеобразное “поле чудес”, причем новые находки нередко позволяют по-новому интерпретиро-

вать особенности вещей из коллекций, содержащих материалы раскопок прежних лет. “Изюминкой” старорязанской археологии являются, несомненно, клады драгоценных ювелирных украшений. По своему происхождению они, как правило, связаны с осадой и взятием города войском Батыя в декабре 1237 г. В российских музеях в настоящее время хранится 17 подобных комплексов. К их числу можно условно прибавить еще один, найденный в 2021 г. в ближайших окрестностях Старой Рязани неподалеку от исторического с. Исады (Стрикалов, 2022).

31 июля 2005 г. на Южном городище Старой Рязани обнаружен очередной клад ювелирных изделий (Буланкина и др., 2005; Чернецов, 2007; Старая Рязань..., 2014). Среди украшений в нем один из медальонов (рис. 1, 1) с изображением процветшего креста выделяется своими художественными достоинствами (Старая Рязань..., 2014. С. 35. Табл. 14). Медальон входил в состав богатого ожерелья, включавшего три подобных украшения. Тот из них, о котором идет речь, несомненно, центральный. Он превосходит два других по размерам (диаметры медальонов 79, 72 и 70 мм). Если два меньших медальона украшены напаянной рубчатой проволокой, имитирующей зернь, а также гравировкой и чернью, то для украшения центрального медальона дополнительно использовано золочение.

Рис. 1. Медальон (1, 2) из старорязанского клада 2005 г. и пластинчатый браслет (3, 4) из клада 1966 г. 1 — лицевая сторона; 2 — оборотная сторона; 3 — развертка изображений (по: Даркевич, Монгайт, 1967); 4 — человеческие фигуры.
Fig. 1. A medallion (1, 2) from the Old Ryazan hoard of 2005 and a lamellar bracelet (3, 4) from the 1966 hoard (3 — after Dark-
 evich, Mongait, 1967)

Рис. 2. Мотивы, позволяющие идентифицировать руку одного мастера. Медальон из клада 2005 г. (1, 15); браслет из старорязанского клада 1966 г. (2–7); браслет из старорязанского клада 1970 г. (9–14; 16, 17), перстень из раскопок 2010 г. на Северном городище Старой Рязани (8).

Fig. 2. Motifs that make it possible to identify the manner of one master. A medallion from the 2005 hoard (1, 15); a bracelet from the Old Ryazan hoard of 1966 (2–7); a bracelet from the Old Ryazan hoard of 1970 (9–14; 16, 17), a finger-ring from the 2010 excavations in the Northern fortified settlement of Old Ryazan (8).

1

2

Рис. 3. Старорязанские находки, предположительно связываемые с одним мастером. 1 — пластинчатый браслет из старорязанского клада 1970 г.; 2 — перстень из раскопок 2010 г. на Северном городище Старой Рязани.

Fig. 3. Old Ryazan finds, presumably associated with one master

Характерны изображения птиц, представленных упитанными, с короткими загнутыми клювами, своеобразным разрезом глаз и отмеченными артистической небрежностью изображениями пальцев лап, обнаруживают чрезвычайную близость орнитоморфным мотивам на знаменитом пластинчатом браслете с изображениями плясуны и гусяра (рис. 1, 3; рис. 2, 2–5) из старорязанского клада 1966 г. (Даркевич, Монгайт, 1967. С. 213, 214, 216–222. Рис 2, 3; Чернецов, 2013; 2014. С. 72–77). Декоративная разделка крыльев птиц на медальоне и браслете несколько отличается. Крылья птиц на медальоне украшены двумя противопоставленными полуокружностями, имеющими двойной контур; на браслете их заменяют два меньших отрезка окружности, очерченных одной линией. При этом птичьи крылья сиринов на другой створке того же браслета украшены более сложным рисунком, близким декору крыльев птиц на медальоне (рис. 2, 6). По-видимому, упрощение рассматриваемой детали декора крыльев на браслете обусловлено миниатюрными размерами изображений. Обе птицы на медальоне представлены с одним крылом, простертым вверх (как бы приветствуют друг друга). На браслете крылья птиц сложены. Обращенное вперед крыло грифона, изображенного на том же браслете, представлено поднятым вверх (рис. 2, 7). Хвосты птиц на медальоне короткие (“кургузье”), они упираются в обрамление композиции. На браслете птичьи хвосты загибаются, в одном случае они завершаются растительным элементом (листом, стилизованным по типу птичьего крыла — рис. 2, 2). У всех этих птиц наличествует дополнительный мотив, напоминающий второй хвост, приподнятый вверх и завершающийся растительным побегом.

Сходство декора медальона и браслета не ограничивается изображениями птиц. В обоих случа-

ях находим сходные растительные мотивы, для которых характерна необычная ширина побегов. Чтобы оценить эту особенность, достаточно сравнить плетения на двух медальонах из клада 2005 г. (Старая Рязань..., 2014. С. 35, 36. Рис. 14, 17). Между тем очевидно, что оба медальона были изготовлены незадолго до сокрытия клада в рамках одного заказа, в одной мастерской, хотя и разными мастерами. На центральном медальоне из клада 2005 г. и браслете, найденном в 1966 г., имеются характерные листья растений в виде стилизованного птичьего крыла (спиральный мотив в основании листа и штриховка, напоминающая оперение). На медальоне подобная листва украшает вертикальную основу креста (рис. 2, 15).

Дальнейшие сопоставления привели к выявлению еще одного ювелирного изделия с особенностями, сходными с почерком мастера, изготовившего рассмотренные выше медальон и браслет. Это пластинчатый браслет (рис. 3, 1) из клада 1970 г. (Даркевич, Монгайт, 1978. С. 32, 36, 37. Табл. XVII–XIX). Он происходит с той же усадьбы, что и клад 1966 г.

На этом браслете находим птиц, близких описанным выше. Разделка крыльев представлена двумя вариантами: упрощенным, как на браслете 1966 г. (рис. 2, 9, 11), и усложненным, как на медальоне (рис. 2, 10). Крыло, обращенное вперед, у всех птиц на этом браслете поднято, как на медальоне из клада 2005 г. В данном случае все птицы изображены с процветшими хвостами. Кроме птиц на этом браслете присутствуют и изображения четвероногих. Все они, как и птицы, имеют вид упитанных существ, трактовка пальцев на лапах сходна с представленной на изображениях птичьих лап (рис. 2, 12–14). Растительные плетения столь же широки, как и на сопоставляемых украшениях. Представлен и мотив листа, имеющего сходство с птичьим крылом. Он может за-

вершать окончания процветших хвостов животных и птиц (рис. 2, 11, 13) или быть частью орнаментального бордюра, как элемент выюна (рис. 2, 16). Еще один мотив, представленный на браслете, находит аналогии на медальоне клада 2005 г. Это трилистник с центральным элементом ромбических очертаний и закрученными книзу боковыми листками. На медальоне он украшает верхнюю часть креста (рис. 2, 17), на браслете является основой нескольких орнаментальных бордюров. При этом мотив варьирует от довольно тщательно проработанных изображений (Даркевич, Монгайт, 1978. Табл. XIX, 4) до предельно схематических, на которых он с трудом опознается (Даркевич, Монгайт, 1978. Табл. XIX, 1).

Еще одно единичное серебряное украшение, которое можно связывать с тем же мастером, — серебряный перстень (рис. 2, 8; 3, 2), найденный при раскопках на Северном городище Старой Рязани в 2010 г. (Чернецов, 2012). На щитке перстня помещено гравированное изображение птицы с простертым кверху крылом, близкое описанным выше. Декоративная разделка крыла представлена упрощенным вариантом. Хвост птицы укороченный. В левой верхней части щитка растительный побег, отмеченный чертами, обычными для рассмотренных выше украшений. Таким образом, почерк одного мастера удалось проследить на украшениях из трех кладов и одной единичной находке.

Перейдем к медальону с изображением Богородицы из клада 1937/1950 гг. (Авдусина, 2022. Рис. 2). Внимательно присмотревшись к растительным мотивам, расположенным по краям основного изображения, обнаруживаем уже известные нам характерные черты того же мастера. Это широкие ленты растительных побегов, листва, напоминающая птичьи крылья. Вытеснение растительных побегов на периферию основного изображения можно видеть на браслете из клада 1966 г., где изображения антропоморфных персонажей окружают более или менее развитые растительные мотивы, нередко вырастающие из обрамления композиции. Некоторые из них — еле заметные ростки. Та же особенность присутствует на перстне, найденном в 2010 г. Побег в левом верхнем углу отражает своеобразную “боязнь пустоты”, присущую многим памятникам древнего и средневекового искусства.

Необходимо остановиться, однако, на центральном, священном изображении медальона. Нельзя не отметить, что оно выглядит грубовато. Черты лица Богородицы и Христа трудно назвать благообразными, строго симметричными. Кисти рук Богородицы преувеличены, не отмечены изяществом. Как это согласовать с очевидным любованием мастера образами животных и растений, уверенностью рисунка и профессионализмом,

явными на других работах, предположительно связываемых с тем же мастером?

До некоторой степени ответ на этот вопрос дают изображения антропоморфных персонажей и ликов на браслете из клада 1966 г. (рис. 1, 4). Все они имеют неправильные черты лица, трактовка самих фигур отмечена бытовыми, снижающими чертами. Характерны небрежно очерченные грубоватые крупные кисти рук гусяра. Эти признаки можно было бы связывать с пренебрежительным отношением мастера к профессиональным скоморохам. Однако сходные черты, прослеживающиеся на изображении Богородицы, указывают на то, что они отражают отношение ювелира к роду человеческому в целом или на то, что образы флоры и фауны давались ему лучше, чем человеческие.

Любопытно, что медальон с Богородицей сближает с медальоном из клада 2005 г. еще одна деталь, на этот раз не художественная, а связанная с приемами техники изготовления украшений. На оборотной неорнаментированной стороне обоих медальонов можно видеть припаянное окончание рубчатой проволоки, имитирующей зернь и украшающей ушко медальона (рис. 1, 2; ср.: Авдусина, 2022. Рис. 2). Подобный незаметный брак производства было, конечно, нетрудно устранить, что и делалось практически всегда при изготовлении подобных медальонов. Вместе с указанными чертами сходства изображений на рассматриваемых ювелирных украшениях эта техническая деталь подтверждает предположение, что мы имеем дело с работой одного и того же мастера.

Признавая медальон с Богородицей созданием мастера, изготовившего браслет находки 1966 г. с гусяром и рядом других, связываемых с тем же ювелиром, изделий, следует рассмотреть вопрос о возможности принадлежности ему еще одного старорязанского медальона со священным изображением. Это медальон (рис. 4) из клада 1970 г. с образом святого князя, вероятно, Глеба (Даркевич, Монгайт, 1978. С. 30. Табл. XII). Оно отмечено крайним схематизмом лика и облачений святого. Дополнительный аргумент в пользу такой возможности — наличие в том же кладе пластинчатого браслета, который атрибутируется тому же мастеру, что и браслет из клада 1966 г., найденный на той же усадьбе, что и клад 1970 г., и медальон из клада 2005 г., обнаруженный совершенно на другом участке. Все же скудость специфических черт, позволяющих идентифицировать почерк индивидуального мастера, не позволяет уверенно определить создателя медальона, несущего изображение святого князя.

Знаменитый браслет из клада 1966 г., с его исключительно своеобразным и богатым набором изображений, вызвал в свое время большой инте-

Рис. 4. Медальон с изображением святого князя из старорязанского клада 1970 (по: Даркевич, Монгайт, 1978).

Fig. 4. A medallion with the image of the holy prince from the Old Ryazan hoard of 1970 (after Darkevich, Mongayt, 1978)

рес в научных кругах. Достаточно сказать, что в одном выпуске “Советской археологии” рядом с публикацией этого клада В.П. Даркевичем и А.Л. Монгайтом была помещена написанная под впечатлением этой находки статья Б.А. Рыбакова “Русалии и бог Симаргл-Переплут” (Рыбаков, 1967).

В этой статье предложена довольно спорная интерпретация изображений на браслете. Спорной представляется их связь с русалиями, а не другими календарными празднествами, или, например, свадебной обрядностью. Нельзя не назвать преувеличенными представления Б.А. Рыбакова о “возрождении” язычества в домонгольской Руси. Представляются проблематичными отождествление Симаргла и Переплута, а также опознание изображений этих мифологических персонажей на произведениях древнерусского искусства.

С другими положениями Б.А. Рыбакова нельзя не согласиться. Связь изображений на браслете

со сказочным миром мифо-эпических представлений очевидна, поскольку изображения плясуньи и музыкантов на одной створке браслета дублируются изображениями сказочных существ (сиринов и грифона) на другой. Совмещение танца и музыки с винопитием ясно указывает на праздник, пиршество; изображение маски (рядом с плясуньей) и музыкальных инструментов, скорее всего, указывает на принадлежность персонажей к числу профессиональных скоморохов.

Рассмотрим один из мотивов, представленных на браслете, в котором, на мой взгляд, присутствует магический сюжет, имеющий древние языческие корни. Это изображение сидящего флейтиста, пьющего вино. В отличие от гусяра он не играет на своем инструменте, а держит его в руке. Флейтист изображен сидящим на обручке дерева или пне. За спиной музыканта из этого пня вырастает длинный высокий побег с отростками, достигающий до головы сидящего.

Полагаю, что то, на чем сидит музыкант, должно изображать пень. Об этом свидетельствуют растительные побеги по сторонам гусяра и намеки на подобные побеги или ростки за спиной плясуньи. По-видимому, действие происходит на природе, в роще. Гусяр также представлен сидящим, но не на пне, а на лавке, имеющей вместо ножек побеги, растущие книзу.

Мотив прорастания засохшего смолистого пня известен в русских колдовских заговорах, включающих заклятия с перечислением невозможного. Пример из Великоустюжского сборника заговоров первой трети XVII в.: «Зговорит <...> муж железной: “Как у кобылы рога не бывати, и на долоне (ладони) шерсти не вырасти, от смолова-того пеня отрати не отращивати, и всякой рыбе в воде соколом не летати, а соколу в воде рыбою не ходити <...> также и рабу Божию имярек невредину быти от злых недругов и от всякого оружия”» (Турилов, Чернецов. 2002, С. 204). Текст можно назвать сакральным вдвойне, поскольку он является частью магического текста, представленного как прямая речь сказочного персонажа. В “Суеверной книжице” XVIII в. находим аналогичный перечень, в начале которого добавлено: “Мертвому ввек по веку з гроба [не] востати” (Смилянская, 2002. С. 336). Мотив чудесного произрастания новых побегов из высохшего дерева в Великоустюжском сборнике фигурирует еще раз: “Вам, (ведунам и ведуньям) не изоставити гнилого колодия ядреного по старому пеню, и ветвию зеленым не изнавешивати” (Турилов, Чернецов, 2002. С. 217). Отметим упоминание изготовления чародейских средств из смолистых пней в Олонецком сборнике заговоров первой трети XVII в.: “Из 9 пней смолья взять по 3 щепы, чтобы пень пня не видел (т.е. чтобы от одного пня

не был виден другой)” (Русские заговоры..., 2010. С. 96).

Мотив побегов от засохшего дерева имеет очень древние параллели, в частности, это жезл пророка Аарона в Библии (Числ. 17, 2–8; Евр. 9, 4). В апокрифическом “Первоевангелии Иакова” он был перенесен на Иосифа Обручника, номинального супруга Богородицы (Аверинцев, 1991. С. 559). Эпизод неоднократно воспроизводился в средневековом и ренессансном искусстве (Соломин, 1914. С. 85, 86. Ил. IX, X). Существует ранняя аналогия, относящаяся к дохристианскому времени, — заклятие, включающее слова о невозможности такого чуда. Это известные строки “Илиады” (I, 234–235).

Скипетром сим я клянуся, который
ни листьев, ни ветвей

Вновь не испустит, однажды оставив
свой корень на холмах

Перевод Н.И. Гнедича
(Гомер, 1984. С. 21).

Мотив невозможности впервые фигурирует в древнерусской книжности в Повести временных лет при описании событий языческих времен. Невозможность всплывания камня, погруженного в воду, фигурирует в формуле клятвы, произносившейся при заключении мира с волжскими болгарами в 985 г.: “толи не будет между нами мира, елико камень начнет плавати, а хмель почнет тонут...” (Полное собрание..., 1962. Стб. 84).

Обряд погружения в воду (в данном случае в море) камня при заключении мирного договора известен у западных славян дохристианского времени (см. сообщение Н.М. Карамзина (1988. Т. I. С. 47, сн. 177) со ссылкой на Саксона Грамматика). Сходный обряд известен в древней Греции, причем в море топили не камень, а кусок железа (Плутарх, 1994. С. 380; Геродот, 2006. С. 73). И у восточных славян в 985 г., и у древних греков обряд имел один и тот же смысл: клятва должна соблюдаться, пока камень или железо не всплывет. Очевидно, что славянский обряд архаичнее (так как используется камень, а не металл).

Несообразности подобного рода, перекликающиеся с упоминаемыми в Великоустюжском сборнике, известны в книжности разных народов. Лошадь с рогами фигурирует в старинной китайской легенде о наследнике Дане и императоре Цинь Шихуане, а также в известном сборнике рассказов о чудесах Гань Бао IV–V вв. (Гань Бао, 1994. С. 156, 170, 171). “Побелеет у ворона голова, вырастут рога у лошади — тогда отпущу тебя <...> И вот, побелела голова у ворона, и выросли рога у коня. Циньскому князю пришлось отпустить Дая” (Путь к заоблачным вратам..., 1989. С. 23). Волос на ладони известен в античной традиции — ответ парфянского посла Крассу (Плутарх, 1994.

С. 617). Подобным литературным мотивам нередко сопутствуют рассказы о том, что такая “невозможность” могла все-таки чудесным образом осуществиться.

В русских сказках приведенным выше примерам соответствует нагромождение небылиц (“Не любо, не слушай”). Особенно показателен сюжет добывания огня, за который нужно расплачиваться, рассказывая только небылицы (Афанасьев, 1957. С. 218, 222, 224). Добывание огня — один из важнейших мифологических сюжетов; игра небылицами оказывается, таким образом, важнейшим чародейским средством, своеобразным “языком богов”.

По отношению к изображенному на браслете “процветшему пню”, можно полагать, что данный мотив символизирует чудесную животворящую силу музыки. Помимо изображений музыкантов и плясуньи тема музыки — пения отражена в декоре браслета в образах птиц и чудесных сиринов. Как известно из русских былин, скоморохи обладали чудесными способностями:

Не простые люди ты, святые.

Еще я ведь им да не молился.

(Былины, 1951. С. 151).

Растительные побеги, трактовка которых помогает установить характерный почерк конкретного ювелира, помимо своего сказочного, магического значения, могли использоваться и в роли своеобразного знака мастера. На это указывает растительный мотив на крупе льва, изображенного на правой створке в нижней части известных южных золоченых дверей (“врат”) собора Рождества Богородицы в Суздале (Овчинников, 1978. Ил. 129, 130). На крупе хищника — вписанный в круг декоративный мотив (рис. 5), несомненно, представляющий собой подобие клейма, использовавшихся для таврения домашнего скота (Chernetsov, 2010; Чернецов, 2018). На крупе льва это разновидность трилистника или пальметки. Такой декоративный элемент однозначно представлял собою юридический знак, который воспринимался современниками создания дверей как подобие конского тавра. Поскольку само изображение льва в данном случае, скорее всего, является символической подписью донатора (князя), то в клейме на его крупе кажется логичным поместить соответствующий знак Рюриковичей или мотив, отражающий представления о власти, воинской доблести. Вместо этого мы видим, однако, элемент растительного декора, очевидно, работы мастера, изготовлявшего драгоценные двери. Сходная пальметка повторена на дверях в роли декоративного элемента на крыле соседнего изображения грифона. Однако в отличие от мотива на крупе льва он не может получить

Рис. 5. Пластины нижней части правой створки золоченых дверей южного портала собора Рождества Богородицы в Суздале (по: Овчинников, 1978).

Fig. 5. Plates from the lower part of right gilded door in the southern portal of the Suzdal Cathedral of Nativity of the Theotokos (after Ovchinnikov, 1978)

однозначной трактовки как своеобразной подписи мастера.

На крупе грифона также изображено клеймо. Это сплошной золоченый диск, ограниченный черной круговой полоской, вписанной во внешнее золотое кольцо. Клеймо грифона представлено на черном фоне, выделяющем его на фоне позолоченного бедра фантастического животного. Возможно, предполагалось поместить на этом клейме более детализированный рисунок, но эта подробность декора осталась незавершенной.

Мастер, создавший такие шедевры, как знаменитый браслет с гусяром из клада 1966 г. и центральный медальон из клада 2005 г., очевидно, был ведущим, наиболее искусным ювелиром, работавшим в мастерской, связанной с представителями княжеского рода, накануне монголо-татарского нашествия.

Попробуем сопоставить рассмотренные выше наблюдения с топографией находок. Клад 1966 г. происходит из так называемой усадьбы воеводы, на территории которой выявлено крупнейшее в Старой Рязани скопление четырех кладов, в двух из которых обнаружено два (возможно, три) изделия одного выдающегося мастера. Клад 1992 г. включал в себя золотые изделия (второй случай находки комплекса золотых вещей в Старой Рязани). Очевидно, усадьба принадлежала представителю княжеского рода. Об этом сви-

детельствует не только концентрация кладов (Чернецов, 2014. С. 77). Само расположение хоров, которые или почти вплотную примыкали к оборонительной стене, или даже были встроены в нее (образуя своеобразный донжон), наиболее вероятно, следует связывать с лицом, принадлежавшим к княжескому роду. Владелец усадьбы, скорее всего, не обязательно был правящим князем, занимавшим рязанский престол, поскольку эта усадьба находилась на значительном расстоянии от ближайшего храма. Он мог быть представителем младших или боковых ветвей княжеского рода. В Старой Рязани, возможно, находились усадьбы удельных князей Рязанской земли. Данные позднейшего времени свидетельствуют о том, что стольные города крупных княжений могли находиться в совместном владении нескольких представителей княжеского рода. В пользу княжеского достоинства владельца усадьбы говорит и обилие здесь находок фрагментов импортной амфорной керамики.

Скопление на территории одной усадьбы четырех кладов не может рассматриваться как исчерпывающая характеристика имущества, которыми владели его обитатели. Весьма вероятно, что какая-то часть этих сокровищ досталась захватчикам. Возможно, один или несколько кладов, сокрытых во время осады города, все же вернулись в руки первоначальных владельцев, их сосе-

дей и домочадцев. Предложенные соображения, конечно, не означают, что четверем обнаруженным кладам непременно должны были соответствовать пять или более зарытых. Точно так же нельзя прогнозировать общее число кладов ювелирных изделий исходя из того, что на сегодняшний день раскопано только 6% укрепленной территории города. Клады, сокрытые на небольшой глубине (что вполне естественно, учитывая стремительное развитие событий и зимнее время), вероятно, в своем большинстве уже достались исследователям или случайным лицам. Вместе с тем находка 2013 г. (Старая Рязань..., 2014. С. 51–56. Табл. 45–53; Стрикалов, Чернецов, 2014) указывает на то, что и возможность обнаружения кладов, залегающих близко к поверхности, исчерпана еще не полностью. Клады, сокрытые в подпольных и иных ямах, по-прежнему ждут своих открывателей.

Старорязанский клад 2013 г. обнаружен на Северном городище (в наиболее ранней части древнерусского города), достаточно далеко от усадьбы, отмеченной находками нескольких кладов. Он привлекает внимание исследователей не только тем, что содержит ряд богато украшенных ювелирных изделий, но и тем, что он явно связан с мастером-ювелиром и содержит ювелирное сырье, а также большое число инструментов – ювелирных матриц. Их количество явно значительно превышает потребности единичного мастера и даже отдельной мастерской. Многие матрицы представляют собой близкие повторения других из того же комплекса или их вариации, имеющие незначительные отличия. Модели матриц, изготовленные из мягкого сплава и непригодные для работы по металлу, очевидно, предназначались для передачи мастерам из других мастерских и ремесленных центров (Стрикалов, Чернецов, 2015; Чернецов и др. 2018). Небольшой рулон золотой фольги и слиток того же металла из рассматриваемого комплекса, а также матрицы для изготовления оправок драгоценных камней указывают, что в мастерской, с которой был связан сокрывший клад ремесленник, работали и с этими, наиболее дорогими материалами. Между тем клад, в которых наличествуют золотые изделия и драгоценные камни, в Старой Рязани представляют редкое исключение.

Случайная находка на территории частной усадьбы, расположенной также на Северном городище, исключительно крупной ювелирной матрицы с изображением полета Александра Македонского на грифонах (сюжет, связанный с феодальной эмблематикой и апологией монархической власти) позволила предположить, что поблизости могла находиться главная великокняжеская ювелирная мастерская города (Беляев, Чернецов, 2005. С. 186, 187. Рис. 7). Позднее, при раскопках на соседней усадьбе, найдены сильно разрушен-

ные остатки более ранних крупных отопительных сооружений, большая серия сопел для нагнетания в печи воздуха с целью достижения высоких температур, очевидно, связанная с ремесленным производством, а также ряд ювелирных матриц. Расстояние отсюда до клада, зарытого ювелиром, всего несколько сот метров. Очевидно, что археологи оказались на близких подступах к исключительно ярким находкам.

Постепенное накопление новых материалов из раскопок Старой Рязани и их сопоставление с обнаруженными ранее позволяют сделать выводы и наблюдения, имеющие важное научное значение. Это выявление значительного набора ювелирных украшений, созданных выдающимся ювелиром, обслуживавшим представителей княжеского рода. Возможно, он возглавлял великокняжескую мастерскую. Находки 2013 и последующих годов, связанные с поврежденным при обработке почвы кладом, свидетельствуют о связи комплекса с ремесленником, работавшим в крупной мастерской. Ее продукция включала наиболее драгоценные материалы, редко встречающиеся в кладах Старой Рязани. Явная избыточность входящего в комплекс ювелирного инструментария указывает на то, что эта крупная мастерская изготовляла изделия, предназначенные для ювелиров, занимавшихся индивидуальным промыслом или в составе отдельных малых коллективов. Неподалеку от места сокрытия этого клада, очевидно, работала крупная великокняжеская ювелирная мастерская. Предложенные построения, сформировавшиеся в последние годы, позволяют по-новому взглянуть на ювелирное производство Старой Рязани и открывают новые перспективы для его дальнейшего изучения.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-09-40041.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Авдусина С.А. Ювелирные изделия из Старой Рязани в собрании Государственного исторического музея // Российская археология. 2022. № 2.
- Аверинцев С.С. Иосиф Обручник // Мифы народов мира: энцикл.: в 2 т. Т. 1 / Отв. ред. С.А. Токарев. М.: Сов. энцикл., 1991. С. 558–559.
- Афанасьев А.Н. Народные русские сказки: в 3 т. Т. 3 / Подгот. текста В.Я. Проппа. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1957. 572 с.
- Беляев Л.А., Чернецов А.В. Новые находки произведений художественного ремесла // Великое княжество Рязанское: историко-археологические исследования и материалы / Отв. ред. А.В. Чернецов. М.: Памятники исторической мысли, 2005. С. 180–190.

- Буланкина Е.В., Стрикалов И.Ю., Чернецов А.В. Клад 2005 г. из раскопок на Южном городище // Великое княжество Рязанское: историко-археологические исследования и материалы / Отв. ред. А.В. Чернецов. М.: Памятники исторической мысли, 2005. С. 198–210.
- Былины: в 2 т. Т. II / Подгот. текста В.Я. Проппа, Б.Н. Путилова. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1958. 522 с.
- Гань Бао. Записки о поисках духов / Пер. и примеч. Л.Н. Меньшикова. СПб.: Петербургское востоковедение, 1994. 576 с.
- Геродот. История / Пер. и примеч. Г.А. Стратановского. М.: АСТ, 2006. 696 с.
- Гомер. Илиада / Пер. Н.И. Гнедича. М.: Правда, 1984. 432 с.
- Даркевич В.П., Монгайт А.Л. Старорязанский клад. 1966 г. // Советская археология. 1967. № 2. С. 211–225.
- Даркевич В.П., Монгайт А.Л. Клад из Старой Рязани. М.: Наука, 1978. 40 с.
- Калайдович К.Ф. Письма к Алексею Федоровичу Машиновскому об археологических исследованиях в Рязанской губернии с рисунками найденных там в 1822 году древностей. М.: Унив. тип., 1823. 75 с.
- Карамзин Н.М. История Государства Российского. Кн. I. Т. I–IV. Репринт изд. 1842 г. М.: Книга, 1988. 690 с.
- Овчинников А.Н. Суздальские золотые врата. М.: Искусство, 1978. 36 с., 64 л. ил.
- Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Т. I / Подгот. изд. С.С. Аверинцев, М.Л. Гаспаров, С.П. Маркиш. М.: Наука, 1994. 702 с.
- Полное собрание русских летописей. Т. I. Лаврентьевская летопись и Суздальская летопись по Академическому списку. М.: Восточная литература, 1962. 580 с.
- Путь к заоблачным вратам. Старинная проза Китая / Сост. И.С. Смирнов. М.: Правда, 1989. 608 с.
- Русские заговоры из рукописных источников XVII – первой половины XIX в. / Сост., подгот. текстов, ст. и коммент. А.Л. Топоркова. М.: Индрик, 2010. 832 с.
- Рыбаков Б.А. Русалии и бог Симаргл-Перефлут // Советская археология. 1967. № 2. С. 91–116.
- Смилянская Е.Б. “Собрание нужнейших статей на всяку потребу”. “Суверенная книжица” из библиотеки Казанского университета; Собрание нужнейших статей на всяку потребу... / публ. Е.Б. Смилянской // Отреченное чтение в России XVII–XVIII веков / Отв. ред. А.Л. Топорков, А.А. Турилов. М.: Индрик, 2002. С. 297–364.
- Соломин Г.К. Джотто ди Бондоне: эпоха раннего Ренессанса. СПб.: Грядущий день, [1914]. 182 с.
- Старая Рязань. Клад 2005 года / Отв. ред. А.В. Чернецов. СПб.; М.: Нестор-История, 2014. 104 с.
- Стерлигова И.А. О древнейших перегородчатых эмалях со священными изображениями, созданных на Руси // Вестник Сектора древнерусского искусства. № 1 / Отв. ред. А.Л. Баталов. М.: Гос. ин-т искусствознания, 2021. С. 12–30.
- Стрикалов И.Ю. Исадский клад 2021 г. // Российская археология. 2022. № 2.
- Стрикалов И.Ю., Чернецов А.В. Клад № 17 из Старой Рязани // Российская археология. 2014. № 2. С. 153–163.
- Стрикалов И.Ю., Чернецов А.В. Новые находки ювелирных матриц из Старой Рязани // Краткие сообщения Института археологии. 2015. Вып. 241. С. 202–206.
- Турилов А.А., Чернецов А.В. Великоустюжский сборник XVII в. // Отреченное чтение в России XVII–XVIII веков / Отв. ред. А.Л. Топорков, А.А. Турилов. М.: Индрик, 2002. С. 177–224.
- Чернецов А.В. К характеристике Старорязанского клада 2005 г. // Российская археология. 2007. № 1. С. 182–188.
- Чернецов А.В. Перстень из раскопок Старой Рязани // Археология Москвы – линия жизни: сб. статей и материалов в связи с 80-летием академика архитектуры, проф. А.Г. Векслера и к 20-летию крупномасштабных археологических исследований Манежной площади, проводившихся под его руководством. М.: Т-Принт Групп, 2012. С. 265–267.
- Чернецов А.В. Опыт идентификации индивидуального почерка древнерусского ювелира // Слов’яни і Русь: археологія та історія: збірка праць на пошану дійсного члена НАНУ П.П. Толочка з нагоди його 75-річчя. Київ: Стародовній Світ, 2013. С. 330–334.
- Чернецов А.В. К характеристике иконографических и стилистических особенностей украшений из клада 2005 г. // Старая Рязань. Клад 2005 года / Отв. ред. А.В. Чернецов. СПб.; М.: Нестор-История, 2014. С. 69–79.
- Чернецов А.В. К изучению феодальной эмблематики и юридических знаков Владимиро-Суздальского княжества // “Земли родной минувшая судьба...”: к юбилею А.Е. Леонтьева / Ред.-сост. И.Н. Кузина; отв. ред. А.В. Чернецов. М.: ИА РАН, 2018. С. 39–47.
- Чернецов А.В., Буланкина Е.В., Стрикалов И.Ю. Инструментарий древнерусского ювелира (новые находки в Старой Рязани) // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2018. № 1. С. 143–151.
- Чернецов А.В., Стрикалов И.Ю. К 200-летию археологического исследования Старой Рязани // Российская история. 2020. № 4. С. 49–55.
- Чернецов А.В., Стрикалов И.Ю. Новое в изучении Старой Рязани (к 200-летию полевых исследований) // Мир средневековья. Познавая прошлое: к 70-летию отдела славянской археологии / Ред. В.Ю. Коваль. М.: ИА РАН, 2021. С. 61–92.
- Chernetsov A. V. Russian Traditional Property Signs // Traditional Marking Systems: A Preliminary Survey / Eds. J. Evans Pim, S.A. Yatsenko, O.T. Perrin. London; Dover: Dunkling Books, 2010. P. 267–287.

OLD RYAZAN: A CONTRIBUTION TO THE STUDIES OF JEWELLER'S CRAFTSMANSHIP

Alexey V. Chernetsov^{a, #}

^a*Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia*

[#]*E-mail: avchernets@yandex.ru*

The article focused on the studies of jewellery from Old Ryazan is a tribute to the 200th anniversary of finding the first hoard focused there (1822) which marked the beginning of research on medieval Russian towns, the mainstream of studies in the Russian antiquities. The author considers individual manner of the craftsman (peculiar features of the images of beasts, birds, humans and elements of ornament, as well as specific technical details) who fulfilled orders of the princely dynasty members. His masterpieces were unearthed in four hoards (1950, 1966, 1970, 2005). The 2013 hoard included not only decorations but also jeweller's raw materials and tools (bronze dies). Some evidence points to the presence of a major jewellery workshop of Grand Princes in the nearest vicinity.

Keywords: Old Ryazan, jeweller's individual manner, major workshop of Grand Princes, semantics of decoration.

REFERENCES

- Afanas'ev A.N., 1957. Narodnye russkie skazki [Russian folk tales], 3. V.Ya. Propp, ed. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury. 572 p.
- Avdusina S.A., 2022. Jewellery from Old Ryazan in the collection of the State Historical Museum. *Rossiyskaya arkheologiya [Russian archaeology]*, 2. (In Russ.)
- Averintsev S.S., 1991. Saint Joseph the Betrothed. *Mify narodov mira: entsiklopediya [Myths of the peoples of the world: encyclopedia]*, 1. S.A. Tokarev, ed. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya. P. 558–559. (In Russ.)
- Belyaev L.A., Chernetsov A.V., 2005. New finds of artistic craftwork. *Velikoe knyazhestvo Ryazanskoe: istoriko-arkheologicheskie issledovaniya i materialy [The Grand Duchy of Ryazan: Historical and archaeological research and materials]*. A.V. Chernetsov, ed. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli. P. 180–190. (In Russ.)
- Bulankina E.V., Strikalov I.Yu., Chernetsov A.V., 2005. The 2005 hoard from excavations at the Southern fortified settlement. *Velikoe knyazhestvo Ryazanskoe: istoriko-arkheologicheskie issledovaniya i materialy [The Grand Duchy of Ryazan: Historical and archaeological research and materials]*. A.V. Chernetsov, ed. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli. P. 198–210. (In Russ.)
- Byliny [Russian epic], II. V.Ya. Propp, B.N. Putilov, eds. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury, 1958. 522 p.
- Chernetsov A.V., 2010. Russian Traditional Property Signs. *Traditional Marking Systems: A Preliminary Survey*. J. Evans Pim, S.A. Yatsenko, O.T. Perrin, eds. London; Dover: Dunkling Books. P. 267–287.
- Chernetsov A.V., 2007. To characterize the hoard discovered in 2005 at Staraya Ryazan. *Rossiyskaya arkheologiya [Russian archaeology]*, 1. P. 182–188. (In Russ.)
- Chernetsov A.V., 2012. A finger-ring from the excavations in Old Ryazan. *Arkheologiya Moskvy — liniya zhizni: sbornik statey i materialov v svyazi s 80-letiem akademika arkhitektury, professora A.G. Vekslera i k 20-letiyu krupnomasshtabnykh arkheologicheskikh issledovaniy Manezhnoy ploshchadi, provodivshikh pod ego rukovodstvom [Archaeology of Moscow as a life line: Collected articles and materials to the 80th anniversary of Academician of Architecture, Professor A.G. Veksler and to the 20th anniversary of the large-scale archaeological research in Manezhnaya Square under his leadership]*. Moscow: T-Print Grupp. P. 265–267. (In Russ.)
- Chernetsov A.V., 2013. Experience in identifying the individual manner of a Rus jeweller. *Slov'yani i Rus': arkheologiya ta istoriya: zbirka prats' na poshanu diysnogo chlena Natsional'noi akademii nauk Ukraini P.P. Tolochka z nagodi yogo 75-richchya [Slavs and Russia: Archaeology and history: Collected papers for the 75th anniversary of the full member of the National Academy of Sciences of Ukraine P.P. Tolochko]*. Kii: Starodovniy Svit. P. 330–334. (In Russ.)
- Chernetsov A.V., 2014. To characterize the iconographic and stylistic features of jewellery from the 2005 hoard. *Staraya Ryazan'. Klad 2005 goda [Old Ryazan. The 2005 hoard]*. A.V. Chernetsov, ed. St. Petersburg; Moscow: Nestor-Istoriya. P. 69–79. (In Russ.)
- Chernetsov A.V., 2018. The research on feudal emblems and legal signs of the Vladimir-Suzdal Principality. *"Zemli rodnoy minuvshaya sud'ba...": k yubileyu A.E. Leont'eva [“The past fate of the native land ...”: to the anniversary of A.E. Leontyev]*. I.N. Kuzina, A.V. Chernetsov, eds. Moscow: IA RAN. P. 39–47. (In Russ.)
- Chernetsov A.V., Bulankina E.V., Strikalov I.Yu., 2018. The array of tools of a Rus jeweller (new finds in Old Ryazan). *Vestnik Rossiyskogo fonda fundamental'nykh issledovaniy. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki [Russian Foundation for Basic Research Journal. Humanities and social sciences]*, 1. P. 143–151. (In Russ.)
- Chernetsov A.V., Strikalov I.Yu., 2020. The 200th anniversary of the archaeological research in Old Ryazan. *Rossiyskaya istoriya [Russian history]*, 4. P. 49–55. (In Russ.)
- Chernetsov A.V., Strikalov I.Yu., 2021. New developments in the study of Old Ryazan (to the 200th anniversary of field research). *Mir srednevekov'ya. Poznavaya proshloe: k 70-letiyu otdela slavyanskoy arkheologii [The world of the Middle Ages. Learning the past: To the 70th anniversary of the Middle Ages]*. Moscow: IAN. P. 10–15. (In Russ.)

- ry of the Department of Slavic Archaeology]. V.Yu. Koval', ed. Moscow: IA RAN. P. 61–92. (In Russ.)
- Darkevich V.P., Mongayt A.L., 1967. The Old Ryazan hoard of 1966. *Sovetskaya arkheologiya [Soviet archaeology]*, 2. P. 211–225. (In Russ.)
- Darkevich V.P., Mongayt A.L., 1978. Klad iz Staroy Ryazani [The hoard from Old Ryazan]. Moscow: Nauka. 40 p.
- Gan' Bao, 1994. Zapiski o poiskakh dukhov [Records of searching for the spirits]. L.N. Men'shikov, transl. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie. 576 p.
- Gerodot, 2006. Istoriya [The Histories]. G.A. Stratanovskiy, transl. Moscow: AST. 696 p.
- Gomer, 1984. Iliada [Iliad]. N.I. Gnedich, transl. Moscow: Pravda. 432 p.
- Kalaydovich K.F., 1823. Pis'ma k Alekseyu Fedorovichu Malinovskomu ob arkheologicheskikh issledovaniyakh v Ryazanskoy gubernii s risunkami naydennykh tam v 1822 godu drevnostey [Letters to Alexey Fedorovich Malinovsky about archaeological research in Ryazan Province with drawings of antiquities found there in 1822]. Moscow: Universitetskaya tipografiya. 75 p.
- Karamzin N.M., 1888. Istoriya Gosudarstva Rossiyskogo [History of the Russian State], I (Part I–IV). Reprint 1842. Moscow: Kniga. 690 p.
- Ovchinnikov A.N., 1978. Suzdal'skie zlatye vrata [Golden Gates of Suzdal]. Moscow: Iskusstvo. 36 p., ill.
- Plutarkh, 1994. Sravnitel'nye zhizneopisaniya [Parallel lives], I. S.S. Averintsev, M.L. Gasparov, S.P. Markish, eds. Moscow: Nauka. 702 p.
- Polnoe sobranie russkikh letopisey [Complete collection of Russian chronicles], 1. Lavrent'evskaya letopis' i Suzdal'skaya letopis' po Akademicheskomu spisku [Laurentian Chronicle and Suzdal Chronicle after the Academic list]. Moscow: Vostochnaya literatura, 1962. 580 p. Put' k zaoblachnym vratam. Starinnaya proza Kitaya [The path to the transcendental gates. Ancient prose of China]. I.S. Smirnov, comp. Moscow: Pravda, 1989. 608 p.
- Russkie zagovory iz rukopisnykh istochnikov XVII – pervoy poloviny XIX v. [Russian charms from handwritten sources of the 17th – first half of the 19th century]. A.L. Toporkov, ed., comp. Moscow: Indrik, 2010. 832 p.
- Rybakov B.A., 1967. Green weeks and the deity Simargl-Pereplut. *Sovetskaya arkheologiya [Soviet archaeology]*, 2. P. 91–116. (In Russ.)
- Smilyanskaya E.B. “A collection of most necessary articles for every need”. A “Superstitious book” from Kazan University library; A collection of most necessary articles for every need... / E.B. Smilyanskaya, publ. *Otrechennoe chtenie v Rossii XVII–XVIII vekov [Apocryphal readings in the 17th–18th century Russia]*. A.L. Toporkov, A.A. Turilov, eds. Moscow: Indrik, 2002. P. 297–364. (In Russ.)
- Solomin G.K., 1914. Dzhiotto di Bondone: epokha rannego Renessansa [Giotto di Bondone: the early Renaissance period]. St. Petersburg: Gryadushchiy den'. 182 p.
- Staraya Ryazan'. Klad 2005 goda [Old Ryazan. The 2005 hoard]. A.V. Chernetsov, ed. St. Petersburg; Moscow: Nestor-Istoriya, 2014. 104 p.
- Sterligova I.A., 2021. The earliest cloisonné enamels with sacred images created in Rus. *Vestnik Sektora drevnerusskogo iskusstva [Bulletin of the Medieval Russian Art Department]*, 1. A.L. Batalov, ed. Moscow: Gosudarstvennyy institut iskusstvovedeniya. P. 12–30. (In Russ.)
- Strikalov I.Yu., 2022. The Isady hoard of 2021. *Rossiyskaya arkheologiya [Russian archaeology]*, 2. (In Russ.)
- Strikalov I.Yu., Chernetsov A.V., 2014. Hoard № 17 from Staraya Ryazan. *Rossiyskaya arkheologiya [Russian archaeology]*, 2. P. 153–163. (In Russ.)
- Strikalov I.Yu., Chernetsov A.V., 2015. New finds of jewelry making dies in Staraya Ryazan. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii [Brief Communications of the Institute of Archaeology]*, 241. P. 202–206. (In Russ.)
- Turilov A.A., Chernetsov A.V., 2002. Veliky Ustyug collection of the 17th century. *Otrechennoe chtenie v Rossii XVII–XVIII vekov [Apocryphal readings in the 17th–18th century Russia]*. A.L. Toporkov, A.A. Turilov, eds. Moscow: Indrik. P. 177–224. (In Russ.)